

«Алжир говорит: «Нет»
А. аль-Касима Саадаллы,
«Ночи Алжира» Б. Хадж
Али, насыщенное неожидан-
ными лаконичными обра-
зами.

Не случайно в сборнике центральное место занимает арабский мир — Алжир, Египет, Судан, Тунис, Ливия. В этом, должно быть, проявились не только личные пристрастия переводчика Михаила Курганцева, в течение ряда лет успешно переводящего с арабского, но и то, что поэзия арабов богата и разнообразна.

О поэзии на других африканских языках мы пока еще знаем неизмеримо меньше. В книге представлены стихи, написанные на коренных языках Восточной Африки — суахили и кикуйю.

Словно реку дожди,
меня наполняют мысли
о языке родном —
зеркале чувства и мысли.
Где твой исток и начало,

где прозвучал ты впервые,
о мой родной язык,
о суахили?!

Европейские «поводыри» любят называть африканца неразумным ребенком, которого надо еще научить не только ходить, но даже говорить. И если напевные строки Саиди Нгузо из Танганьики — это гимн суахили, гимн языку, который прекрасен и гибок, то стихи суданца Мухи ад-Дин Фариса звучат как прямой вызов самозванным опекунам. Он так и назвал свое стихотворение: «Африка! Ты не ребенок!»

Но ты сказала просто:
— Слышишь, мир!
Давно
я стала взрослой,
слышишь, мир!
Я не ребенок!
Голос мой мятежный
и громовую поступь
слышишь, мир?

Мир слышит мятежный
голос современной африкан-
ской поэзии.

А. ПОЛИЩУК

РУССКИЙ РАБЛЕ

Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. Перевод с французского Н. Любимова. Москва, Гослитиздат, 1961. 726 стр.

Гослитиздат выпустил новый перевод одного из величайших памятников французской литературы «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле.

Перевел это гигантское, ненасытно-веселое творение наш современник Н. М. Любимов, уже давно известный советскому читателю своими замечательными воссозданиями на русском языке «Дон Кихота» Сервантеса, «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро» Бомарше, «Мещанина во дворянстве» Мольера, «Милого друга» Мопассана, «Госпожи Бовари» Флобера, «Тарарена из Тараскона» Додэ, «Коварства и любви» Шиллера, театра Метерлинка и, наконец, совсем недавно вышедшего «Уленшпигеля» Шарля де Костера. Каждый из этих переводов был

значительным литературным событием, ценнейшим вкладом в советскую культуру.

Уже один только перечень трудов Н. М. Любимова (далеко не полный) свидетельствует об огромном диапазоне его дарования. Рабле и Флобер — трудно назвать двух писателей, менее схожих друг с другом! Но Н. М. Любимов с одинаковым мастерством отлил каждого из них в драгоценном материале русской речи, ничем не ушербив их неповторимой своеобразности. Вдохновенный труд, тончайший слух художника-стилиста сделали возможным, казалось бы, невозможное.

Четыреста лет живет и радуется долгую чреду людских поколений веселая и умная книга мэтра Рабле. Она переводилась на языки почти всех народов мира,

в том числе и на русский, и вот опять предстала в новом облике перед свежими поколениями читателей — смею думать, уже в окончательном, не подлежащем пересмотру, классическом русском своем воплощении — подобно «Одиссее» Жуковского или «Песне о Гайавате» Бунина.

Бесспорно, многое в «Гаргантюа и Пантагрюэле» уже затемнено беспощадным временем, требует прояснения учеными комментаторами, а это всегда расхолаживает читателя. Но жив и по-прежнему бушует и сверкает язык этой бессмертной книги, и, как смерчи над водными просторами, вздымаются, вырастают из вольной языковой стихии могучие образы героев этого жизнерадостного, жизнеприемлющего великого француза — его хохочущие, грохочущие сквернословы-великаны, задыхающиеся от веселья их собственной плоти и от насыщающих ее питья и дымящейся снеди; а рядом с ними — образы искаженной человечности: монахи, схоласты, лекари без знаний и дипломов, жестокосердные завоеватели и тираны.

Без магически завлекающего языка, неистового, ослепительно яркого, щедрого до излишества, все называющего своими именами, — нет «Гаргантюа», нет Рабле. Только он, этот могучий его язык, воспринимается вполне непосредственно и в наши дни, только он и побуждает читателя взять на себя нелегкий труд доискаться до скрытых смысловых деталей великого творения.

Его-то, этот гениальный язык, и надо было заново воссоздать русскому переводчику. Ибо его предшественники, В. Пяст или А. Энгельгардт, здесь ничему не могли его научить. Их бледные оттиски с перенасыщенного светом и цветом оригинала невольно пробуждали в читателе нигилистический вопрос: а так ли уж велик прославленный Рабле? Не вовлекают ли меня ученые колпаки в обидное положение одуряченных горожан из сказки о голом

короле? Или по-французски все это звучит по-другому?

Но на этот раз чудо совершилось: Рабле заговорил по-русски — весело, изобретательно, словно его галльская мысль была изначально сопряжена с русской речью, смаковала не французские, а исконно русские языковые богатства, просто-душно играя на случайных созвучиях, нанизывая, как самоцветы, один к другому, бесконечный ряд однозначных слов (синонимов), выбрасывая на прилавок сотни друг другу не уступающих по колеру и плотности тканей, равно пригодных обрядить одно и то же понятие, возжелавшее покрасоваться в бесчисленном множестве нарядов, чтобы потрафить всем вкусам и причудам разборчивой и неразборчивой публики.

Где бы мы ни открыли перевод Н. М. Любимова, мы везде встретимся с его отчетливым, зрелым мастерством. Так, 9-я глава третьей книги сплошь построена на подхватывании Пантагрюэлем окончаний реплик Панурга (чего, видимо, просто не заметили прежние переводчики Рабле); но Любимов не поступил с этим литературным приемом, и если Панург обрывает свою речь словами «Нет, уж я...», Пантагрюэль тут же в рифму ему отвечает: «В мужья записывайтесь, с богом, в мужья!» и т. д. Или — в предисловии к той же третьей книге, обращаясь к «досто-славным пьяницам» и «досточтимым подагрикам»: «Притом вы уже не молоды, а это как раз и есть необходимое условие для того, чтобы под хмельком не зря болтать языком, а на сверхфизические философствовать темы, служить Бахусу, все до крошки подъя-дать и рассуждать о живительности, цвете, букете, прельстительности, восхитительности, целебных, волшебных и великолепных свойствах благословенного и вожделенного хмельного».

Только диву даешься, из каких потайных закровов русского словаря высыпает Н. М. Любимов те обидные эпитеты, тоже зарифмованные, которые обрушивает на

голову Панурга брат Жан, утверждая свой тезис, «что рогоношение не опасно» (такими эпитетами заполнены пятьдесят восемь строк!), прежде чем закончить свое поучение такой выразительной тирадой:

«—...Панург, друг мой, коль скоро тебе это предуказано, неужто ты почтешь за нужное обратиться вспять планеты, перепутать все небесные сферы, искать ошибку в движущих силах рока, затушить веретена, оболгать катушки, оговорить мотовила, охаять нитки, распустить клубки Парок?.. Послушай, блудодеец, что бы ты предпочел: быть ревнивым без причины или же быть рога-тым, сам того не подозревая?

— Я бы не хотел ни того, ни другого,— отвечал Панург.— Но уж если я хоть что-нибудь замечу, то наведу порядок, были бы только палки на свете.

По чести, брат Жан, лучше бы мне не жениться. Сейчас мы ближе к колоколам, так вот, послушай, что они мне говорят:

В брак не вступай, в брак не вступай,
ай, ай, ай, ай.
Если же вступишь, — нет, не вступишь,
ай, ай, ай, ай,—
уподобишься рогатому козлу:
будет то ко злу».

Чем же достигнуто это словесное волшебство? Как всегда и все в большом искусстве—прирожденным талантом и самоотверженным трудом, без которого не овладеть всеми регистрами русской речи; а на то, чтоб воссоздать по-русски Рабле, надо располагать всем, чем богат и славен наш язык. Разгул и размах русской речи не утихают и не скудеют ни на одной из страниц любимовского перевода, а в книге, как указано в выходных данных, 45 листов с гак-ком!

И нигде, никогда этот разгул и размах не переходят в разухабистую отсебятину. Н. М. Любимов — один из самых строгих и суровых мастеров художественного перевода. Верность оригиналу для него закон и нравственная норма художества. Пуская в оборот все

богатства русского языка, он стремится с возможной полнотой передать не только содержание, но и национально-французскую форму Рабле (как ранее сохранял национально-испанскую форму «Дон Кихота» или национально-немецкую Шиллера). И если форма требует отвлечься от столь дорогого таланту Любимова народного, даже простонародного речевого строя, он не откажется пустить в ход ученнейшие латинизмы, которые без пояснения комментатора не каждому даже понятны. Я здесь прежде всего имею в виду речь магистра Ианотуса де Брагмардо, в которой он обращается к Гаргантюа с просьбой вернуть похищенные им колокола: «Как бы это было хорошо, если бы вы вернули нам колокола, ибо мы испытываем в них крайнюю необходимость! Кхе, кхе, кха! Много лет назад мы не отдали их за большие деньги кагорским лондонцам, равно как и брийским бордосцам, коих пленили субстанциональные достоинства их элементарной комплекции, укореневающиеся в земнородности их квиддитивной натуры и порождающие способность разгонять лунный гало и предохранять от стихийных бедствий наши виноградники, то есть, собственно говоря, не наши, но окрестные, а ведь если мы лишимся крепких напитков, то мы утратим и все наше имя, и все наше разумение».

СРЕДИ КНИГ

САТИРА ЛУИСА КАРЛОСА ЛОПЕСА

Луис Карлос Лопес. Грибы на кочке.
Сатирические стихи. Перевод с испанского, со-
ставление и предисловие О. Савича. Москва,
Гослитиздат, 1961. 222 стр.

Как резко разнится эта схоластическая речь от при-
сущего героям Рабле народного, кражистого языка! Но
ведь и русская литература не раз пародировала ученое
«многолатинословие» (если
воспользоваться выражени-
ем переводчика). Вспомним
в этой связи хотя бы про-
фессорские разглагольство-
вания ученого спирита в
«Плодах просвещения» Тол-
стого.

Все, что вмещает в себя
раблезианский стиль: язык
народа и язык схоластики,
шутовство и грузную пате-
тику, простодушную весе-
лость и мудрое поучение,
иногда высказываемое толь-
ко намеком, чтобы не на-
влечь на себя гнев инкви-
зиции,— донес до нас, ни-
чем не поступившись, автор
«русского Рабле» Н. Люби-
мов. Благодаря его творче-
скому подвигу (иначе не
скажешь!) мы теперь еще
с большим правом почитаем
своим великого сына фран-
цузского народа, художника
и мыслителя-гуманиста, ко-
торому принадлежит такое
памятное, мудрое в своей
человечности и глубоко де-
мократическое изречение:
«Величайшее безумие мира
считать, что звезды суще-
ствуют лишь для королей,
пап и великих господ, а не
для бедных и для стражду-
щих». Рабле был одним из
ранних борцов с «величай-
шим безумием мира», с со-
циальным неравенством. Но-
вый русский перевод «Гар-
гантюа и Пантарюэля» —
достойное выражение благо-
дарности современного про-
грессивного человечества
старому титану европейского
гуманизма.

Книга издана превосход-
но, украшена знаменитыми
иллюстрациями Гюстава До-
ре, снабжена содержатель-
ной, хорошо написанной
вступительной статьей С.
Артамонова и отлично про-
думанными примечаниями
(С. Артамонова и С. Мар-
киша). Стихи в переложе-
нии Ю. Корнеева читаются
легко, удачно вторят велико-
лепной прозе перевода.

Н. ВИЛЬМОНТ

Луис Карлос Лопес
был поэтом сложной
и своеобразной судьбы. Сти-
хи его популярны не только
у него на родине в Колум-
бии, но и за ее пределами.
Однако скудно представлен-
ные в ряде зарубежных ан-
тологий, они не дают полной
картины творчества Лопеса.
Судить о нем как о поэте
можно по трем тонким книж-
кам, вернее сказать, тетрад-
кам, заключающим в себе
не более 200 его стихотворе-
ний. Но эти тетрадки давно
стали библиографической
редкостью, и стихи Лопеса
больше известны в англий-
ском, немецком или швед-
ском переводах, чем в ори-
гинале. Надо помнить при
этом, что Лопес — почти
наш современник: он родил-
ся между 1881 и 1885 годами
(точная дата его рождения
так и не установлена), а
умер в 1950 году.

Теперь благодаря труду
Овадия Савича — исследо-
вателя и поэта — творчест-
во колумбийского поэта-са-
тирика стало доступно со-
ветским читателям.

Лопес превосходно владел
инструментом своего стиха,
хорошо отточенного, свобод-
ного от словесных излишеств.
Его мысль ясна, и он на-
ходил полноценные поэтиче-
ские средства для ее выра-
жения. В поисках изобрази-
тельных средств Лопес про-
являл смелость и, я сказал
бы, изобретательность. Как
многие поэты стран Латин-
ской Америки, он широко
пользовался формой сонета
(в рецензируемой книге
свыше 60 сонетов), но Ло-
пес вносил в форму сонета
много своего, зачастую да-
же ломая его каноническую
форму.

В книге переводов сати-
рических стихов Лопеса на
русский язык есть два сонета
(«Цирюльник» и «Аль-
кальд»), объединенных об-
щим названием «Грибы на
кочке». Это наименование
обоснованно дано всей кни-
ге переводов стихов Лопе-

са: они действительно сосре-
доточивают в себе основные
черты сатиры Лопеса.

Цирюльник, веселый,
«словно рюмка искристого
вина», стрижет, бреет, рас-
суждает о Вольтере, судит
петушиный бой, в курсе
всех дежурных сплетен, в
дружбе с «почтенными» ли-
цами, вроде алькальда и
ветеринара,— и подметает
«очески жизни». Он занят с
утра до ночи, но жизнь про-
ходит мимо него.

Алькальд — гротескный и
в то же время внутренне
глубоко правдивый образ.
В грязной панаме, в трех-
цветном, кое-как надетом
шарфе, лицом напоминаю-
щий бульдога, под башма-
ком у своей смазливой жены,
большой поклонницы рома-
нов Поля де Кока,— таков
он, мэр, судья, вершитель су-
деб целой округи. Законо-
мерно развивая образ тако-
го судьи и мэра, Лопес пре-
вращает его в «Стихах к
луне» в грабителя. Небесное
светило не озаряет влюблен-
ные пары, а «молча хохочет»
над тем, что происходит на
земле. И воспевает луну
банда засевавших в кабачке
«неврастенических бардов с
вшивой копной волос»... Кар-
тина, как видит читатель,
беспощадная.

Предмет сатиры Лопеса
многообразен. Немало есть
еще среди латиноамерикан-